

УДК 159.9

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ (ОТВЕТ УЧАСТНИКАМ ДИСКУССИИ)¹

© 2019 г. А.Л. Журавлев*, Т.А. Нестик**, А.В. Юревич***

ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13, Россия.

* Академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

** Доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, там же.

E-mail: nestik@mail.ru

*** Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института психологии РАН.

E-mail: av.yurevich@mail.ru

Поступила 29.08.2018

Аннотация. В ответе участникам дискуссии, посвященной статье о прогнозе развития психологической науки и практики до 2030 г. [6], отмечаются трудности прогнозирования и приводятся данные о том, что футурологические прогнозы редко сбываются. В то же время, разделяя мнение П. Диксона, авторы статьи утверждают, что несбывшиеся прогнозы вовсе не обязательно являются плохими. Потому что они, наряду со сбывшимися, выполняют много полезных функций, в частности, помогая лучше понять прошлое и осмыслить настоящее. В статье также рассматривается и ряд других проблем, поднятых участниками дискуссии, таких как самобытность отечественной психологии и ее соотношение с мировой психологией, являющейся по своей сути западнорационалистической. Рассматриваются вопросы о кризисе психологической науки. Обсуждается также вопрос о том, почему опрошенные эксперты выражают меньший оптимизм в отношении перспектив развития психологической науки и практики в нашей стране по сравнению с их будущим рубежом и др.

Ключевые слова: психологическая наука и практика, будущее, прогноз, экспертный опрос, дискуссия, самобытность, мировой мейнстрим, кризис.

DOI: 10.31857/S020595920002989-3

Прежде всего, авторы благодарят всех, кто принял участие в дискуссии, высказав очень важные и интересные соображения по поводу как возможного будущего, так и *настоящего* психологической науки. С интересными и глубокими размышлениями о будущем психологии на страницах «Психологического журнала» выступили А.Я. Анцупов, Д.В. Беспалов, А.А. Грачев, С.Г. Елизаров, Т.А. Жалагина, С.Л. Кандыбович, Е.Д. Короткина, Ю.Л. Лобков, В.А. Мазилев, И.А. Мироненко, С.В. Морозова, К.И. Насибуллов, О.Г. Носкова, Л.М. Попов, С.В. Сарычев, А.С. Сергеева, С.Ф. Сергеев, Е.А. Сергиенко, П.Н. Устин, А.С. Чернышев.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-06-00675.

Необходимо отметить, что прогнозирование будущего науки естественным образом предполагает оценку ее настоящего, которая служит основой для прогнозов. В этой связи некоторые участники дискуссии высказали авторам прогноза резонное замечание о том, что прогнозированию следовало бы предпослать характеристику нынешнего положения дел в психологии, что не предусматривалось программой опроса. Принимая это замечание, все же следует отметить, что, во-первых, эта оценка присутствует во многих работах, в том числе и регулярно выпускаемых Институтом психологии РАН, а, если она выйдет неудовлетворительно, то одна из причин коренится в современном состоянии психологической науки и практики, которому невозможно дать всеобъемлющую и однозначную оценку. Во-вторых,

прогнозирование возможно и без удовлетворительной оценки настоящего и, более того, подчас позволяет внести в него дополнительную ясность.

Прогнозирование принято считать одним из наиболее увлекательных и вместе с тем наиболее “безответственных” интеллектуальных занятий. Прогнозы делятся на краткосрочные и долгосрочные. В краткосрочных обычно фиксируются уже наблюдающиеся тенденции. В долгосрочные же обычно закладывается такая временная перспектива, по истечении которой “умирает либо ишак, либо шах”, т.е. происходят какие-либо события, заставляющие забыть эти прогнозы еще до того, как появляется возможность проверить их достоверность.

Тем не менее, попытки такой проверки предпринимаются и обычно дают результаты, неутешительные для авторов прогнозов. Так, например, Дж. Уайз в 1970-е годы проанализировал 1556 прогнозов, сделанных в период с 1890 по 1940 г., и разделил их на четыре группы: 1) сбывшиеся, 2) сбывающиеся, но еще не сбывшиеся до конца, 3) не подтвержденные, но и не опровергнутые, 4) несбывшиеся. По его оценкам, сбылось или сбывается менее половины прогнозов, а более трети однозначно опровергнуто [23]. То, что “долгосрочные прогнозы сегодня, как правило, не сбываются и, следовательно, теряют свой прежний смысл” [2, с. 182], часто констатируется и в наши дни. В результате “узкоориентированные специалисты, особенно экономисты, не берут на себя ответственность за предсказания такого рода” [там же, с. 182]. На смену им приходят техники Форсайта, существенно отличающиеся от традиционных прогнозов. Кроме того, по мере усложнения жизни человечества вообще и науки, в частности, происходит рост неопределенности будущего и, как следствие, уменьшение возможности его прогнозирования [там же].

Т.А. Жалагина и Е.Д. Короткина, справедливо указывая на ограничения экспертного опроса, рекомендовали дополнить его форсайт-сессиями [5], что уже делается авторами прогноза. Естественно, возможно применение и других методов форсайта, хорошо зарекомендовавших себя ранее, — метода Дельфи, разработки сценариев и др. Проведенные нами в 2017–2018 гг. интервью с экспертами и 4 форсайт-сессии ($N = 136$) позволяют выделить несколько вызовов, на которые в ближайшие 20 лет предстоит ответить российской психологии. Это интеллектуальное и ценностное расслоение общества; архаизация массового сознания и ослабление института экспертизы; глобализация и столкновение культур; переход к сетевому обществу и множественная идентичность; автоматизация, робототехника и человеко-машинные интерфейсы; “постгуманистические” технологии (искусственный, гибридный и распределенный интеллект, геновая инженерия). Среди тен-

денций в психологии обсуждается развитие социальных нейронаук, эволюционных подходов и новых методов регистрации поведения человека (айтрекинг, виртуальная реальность, большие данные), все более сложное математическое моделирование. Эксперты отмечают растущую междисциплинарность и потребность в межакадемическом сближении психологов, переходе от частных эмпирических моделей к целостной теории личности. По мнению наших собеседников, психологи призваны поддерживать вариативность, критическое мышление и социально-эмоциональное развитие, фасилитировать адаптацию к изменениям. При этом большинство участников интервью отмечают разрозненность и низкую ориентацию российского психологического сообщества на будущее.

В ходе форсайт-сессий были определены тренды, влияющие на развитие психологических исследований и практики. Из социальных трендов, наиболее важными были признаны новые формы социальной организации, формирование глобальной идентичности в поликультурном обществе, усиление борьбы за все более дефицитные ресурсы, рост напряженности в международных отношениях, рост влияния Азии, увеличение свободного времени и новые интересы, виртуализация образования, увеличение продолжительности жизни, рост мобильности, приход поколений Z и Альфа, геймификация во всех сферах жизни, информационный шок и дефицит внимания, расслоение общества, формирование прекариата и “лишних людей”, формирование этики “искусственного” человека, развитие интернет-активизма, сокращение временной перспективы. Среди технологических трендов, влияющих на направления психологических исследований, наиболее значимыми были признаны такие, как развитие *BigData* и потоковой аналитики, постгеномной медицины, нейротехнологий, киборгизация, удаленная работа и технологии телеприсутствия. Сопоставление результатов форсайт-сессий с участием молодых исследователей (студенты и аспиранты) и состоявшихся ученых (кандидаты и доктора психологических наук) указывают на различия в представлениях о вызовах будущего, на которые должны ответить психологи, а также о перспективных направлениях исследований: представления о будущем психологии у молодых ученых более тесно связаны с развитием цифровых технологий и новых методов исследований.

Было высказано и сомнение в возможностях экспертного опроса в качестве инструмента прогнозирования. Это утверждение, конечно, можно принять, дополнив соображениями об известных недостатках любых других прогностических методов. Один из участников дискуссии — Е.А. Сергиенко — совершенно справедливо отмечает, что сделанный в прогнозе “срез” только констатирует

сложившуюся ситуацию, тогда как она требует большей глубины анализа и дальнейших исследований [17]. А другой участник — О.Г. Носкова — высказывает очень важную мысль о том, что прогнозы развития психологической науки и практики не могут быть оторваны от прогнозов развития более общей системы — общества и его запросов [13]. В данной связи очень полезно построение так называемых “условных сценариев” развития психологической науки и практики с учетом того, что общество будет развиваться по той или иной траектории. Вообще участниками дискуссии были высказаны очень ценные соображения по поводу продолжения прогностических исследований, и такая работа фактически уже ведется [см., например, 12 и др.].

Существует мнение о том, что предсказать развитие науки вообще невозможно, поскольку это предполагает предсказание конкретных научных открытий, что создает логически нелепую ситуацию: открытие еще не совершено, но уже предсказано, т.е. в значительной мере уже сделано. Иногда авторы прогнозов идут и на это, но все же значительно чаще они предсказывают более *общие характеристики науки*, которые, как например, степень самобытности отечественной психологии, фигурировали и в обсуждаемом прогнозе.

Очень существенное обстоятельство заключается в том, что, как подчеркивает П. Диксон, “не сбывшийся прогноз вовсе необязательно является плохим прогнозом” [23, с. 7]. *Во-первых*, как отмечает другой известный футуролог А. Тоффлер, всегда есть выбор между вариантами будущего. И то, какой именно вариант избирается, зависит от многих факторов [26], что лежит в основе как хорошо известных, особенно психологам и социологам, самосбывающихся, так и менее известных *самонесбывающихся* прогнозов: мы знаем, каким может быть будущее, оно нас не устраивает, и мы принимаем меры, чтобы его избежать. Е.А. Сергиенко подчеркивает, что представления о будущем науки задают вектор и потенциал научного движения [17]. *Во-вторых*, прогнозы, даже если они не сбываются, побуждают к осмыслению важных проблем и, таким образом, являются одним из действенных способов анализа настоящего — “из вероятного будущего”, что в полной мере относится и к дискуссии по поводу обсуждаемого прогноза, участники которой акцентировали много важных обстоятельств, относящихся к *настоящему* психологии.

При этом, как отмечает Диксон, основная часть прогнозов базируется на том, что “факторы, действовавшие в прошлом, экстраполируются и на будущее” [23, с. 74]. В результате прогнозирование позволяет не только адекватнее оценить настоящее, но и лучше понять *прошлое*, что служит еще одним важным качеством данного вида деятельности.

В рамках ответа участникам дискуссии, естественно, невозможно выделить все основные проблемы, вокруг которых она велась, и сформулировать отношение ко всем высказанным идеям. Поэтому обозначим лишь некоторые из них.

Целый ряд участников дискуссии обратили внимание на то, что, по мнению большинства опрошенных, отечественная психологическая наука к 2030 г. сохранит свою *самобытность*. Концентрация внимания на этой проблеме неудивительна, поскольку вопрос о наших различиях с Западом и о том, следует ли нам идти своим особым путем, является одним из ключевых как для всего российского общества, так и для отечественной науки, в частности психологической.

Отметим в этой связи, что в данном плане все наше научное сообщество поляризовано, дискуссии ведутся в довольно резкой форме — вплоть до обвинений одной стороны в “слепом копировании Запада”, другой — в “изоляционизме”. Позиция “западников” основана на том, что наука едина, не признает государственных границ, и, скажем, закон всемирного тяготения одинаково проявляется и в России, и в Америке, и в Африке. Позиция их оппонентов состоит в том, что Россия и российская культура специфичны, что неизбежно отражается и на отечественной науке, особенно социо-гуманитарной. Не высказывая общего для авторов мнения по этому острому вопросу, отметим лишь, что, как всегда при наличии полярных позиций, более близкой к истине представляется “срединная”, более умеренная точка зрения, и было бы нелепым отрицать как интернациональный характер современной науки, так и то, что научная деятельность имеет и когнитивный (научное знание), и социальный (включая психологический) контекст, который специфичен в разных типах культуры и оказывает большое влияние на производство научного знания. В тех концепциях отечественной психологии, которыми она по праву гордится, нетрудно уловить проявления этого контекста, сохраняющего свою специфику и в современной сильно изменившейся, но все же не ставшей Западом, России.

Уместно упомянуть и о том, что подобная точка зрения порождена не “изоляционистами” в современной российской науке, а такими направлениями, как, например, микросоциология науки, сформировавшимися на Западе.

Вообще противопоставлять какую-либо национальную, в том числе и российскую, и мировую науку, не считая первую органической частью второй, — это примерно то же, что не считать какую-либо страну частью мировой цивилизации. Соответствующая позиция в отношении национальных наук, правда, тоже существует, но она порождает большие логические трудности. Например, тра-

диционная восточная наука — индийская, арабская или китайская — были мало похожи на науку, которая развивалась на Западе. Если они не были частью мировой, то чем они были — инопланетной наукой? Поэтому логичнее понимать под мировой наукой *всю совокупность национальных наук*, а современную западнцентристскую науку — как ее мейнстрим [см., например, 19]. Из этого, в частности, следует, что вклад в мировую науку российских ученых далеко не сводится к их публикациям в международных научных журналах.

Естественно, установка на изоляцию от этого мейнстрима тоже была бы неуместной. Но публикации в так называемых международных научных журналах, подавляющая часть которых издается в США и Англии, создают для российских ученых, особенно социогуманитариев, известные трудности. Дело не только в языковом факторе, намного более существенном для социогуманитарных, чем для естественных наук (“язык” математики, физики, химии или биологии куда более интернационален, чем “язык” психологии и социологии, где к тому же очень велика роль стилистики). Российские психологи, успешно работающие за рубежом, регулярно сетуют на то, что, скажем, в англо-саксонских психологических журналах явно доминирует соответствующая методология, а не вписывающиеся в нее статьи отвергаются их редколлегиями [см. 27].

Играют свою роль и индивидуальные особенности ученых. Например, У. Корнхайзер еще в 1960-е годы разделил их на две основные группы — “космополитов”, ориентированных на международные научные контакты, основную часть времени проводящих зарубежом и т.п., и “местников”, осуществляющих свою научную деятельность в родных пенатах и тесно привязанных к своей национальной культуре [24]. Требовать от вторых того же, что и от первых, — космополитического образа жизни и органической включенности в западнцентристский мейнстрим — означало бы унифицировать неизбежные различия между социально-психологическими типами ученых, каждый из которых в нормальных условиях находит свое незаменимое место в исследовательском процессе [см. 22 и др.].

В данной связи уместно упомянуть еще одну классификацию ученых — их разделение на “цеховиков”, научное знание производящих, и “презентаторов”, его презентующих, в том числе в международных научных журналах [14]. Естественно, многие ученые успешно выступают в обоих качествах, но не всякий “цеховик” может быть эффективным “презентатором”, и в этом случае, как и во многих других, естественным является разделение исследовательского труда. Кстати говоря, широкая известность зарубежом таких классиков отечественной психологии, как Л.С. Выготский и А.Р. Лурия, стала возможной благодаря большо-

му труду “презентаторов” их работ — зарубежных ученых, которые сделали эти работы доступными для западных читателей.

Стоит упомянуть также распространенный в нашем научном сообществе стереотип, согласно которому наука, в том числе и социогуманитарная, такая как психология, вырабатывает только *научное знание*. Разумеется, и его тоже, и в этом заключается одна из основных функций любой науки. Но не только его, а еще и теории, которые не всегда можно считать собственно знанием, гипотезы, которые, будучи не подтвержденными, в него не превращаются, различные интерпретации феноменов, объяснения, парадигмы, исследовательские традиции и многое другое. Далеко не все эти *интеллектуальные конструкции* относимы к научному знанию, но они оказывают большое интеллектуальное влияние на ученых, знание производящих. Эти конструкции часто носят “локальный” характер, не выходя за пределы национального научного сообщества и даже отдельных научных организаций и лабораторий (в социологии науки существует термин “лабораторное знание”, т.е. не выходящее за пределы конкретных лабораторий). Они привязаны к конкретной культуре, в том числе и организационной, и, как правило, остаются в пределах национальной науки, без которой мировая наука не может существовать.

Все перечисленные и другие подобные обстоятельства, к сожалению, игнорируются как нашей официальной научной политикой, часто вырабатываемой не понимающими всей ее сложности людьми, так и самими учеными — сторонниками упрощенного варианта “космополитической” позиции.

Тем не менее, даже если придерживаться “примирительной” позиции, существование проблемы нельзя отрицать. Так, И.А. Мироненко в ходе дискуссии пишет о том, что “мы, российские ученые, недостаточно знаем о мировой психологии” [8, с. 121], и отмечает, что у нас характеристики состояния исследований какой-либо проблемы за рубежом нередко ограничиваются ссылками на работы 1980-х и даже 1970-х годов [там же]. Это трудно отрицать, причем парадокс состоит в том, что советские психологи, жившие в “закрытом” обществе, подчас знали зарубежные исследования лучше, чем их современные российские коллеги, и это при том, что сейчас существуют Интернет и другие современные средства коммуникации. На еще одну сторону подобной самоизоляции, связанную со снижением статистической грамотности, справедливо указывает С.В. Морозова [9].

Вообще, видимо, можно сформулировать ранее высказывавшееся одним из авторов этих строк [20] представление о том, что для национальной науки оптимальна “умеренная” самобытность, поскольку ее гипертрофирование ведет к “изоляция-

ционизму” и “варению в собственном соку”, а ее отсутствие — к полному растворению в западно-центристской науке, что сделало бы отечественную психологию не интересной для нее. Можно обратить внимание и на то обстоятельство, что Л.С. Выготский и А.Р. Лурия, творившие за “железным занавесом”, гораздо более известны и цитируемы в мировой психологии, чем современные российские психологи, в том числе и те из них, кто значительную часть времени проводит за рубежом.

Отметим также то, что в настоящее время реализуемая в нашей стране научная политика парадоксальным образом чуть ли не противоположна ее внешней политике. Если внешняя политика носит суверенный характер, что часто предполагает противостояние с Западом, то одной из главных целей научной политики служит увеличение представленности российских авторов в считающихся международными, а реально издаваемых в западных странах, главным образом в США, научных журналах. Подобные цели не слишком позитивно воспринимаются отечественным научным сообществом, что порождает в нашей научной среде хорошо известные конфликты.

Естественно, участники дискуссии не оставили без внимания “вечный” вопрос о *кризисе* психологической науки. Помимо традиционных представлений на этот счет, было высказано и относительно новое (ранее оно высказывалось в: [18]) представление о том, что кризис характеризует не столько объективное положение дел, сколько его *восприятие* психологами [4], и мнение о том, что он — не негативное, каким его принято считать, а *позитивное явление*, “стимулирующее психологов на поиск путей усовершенствования психологической науки” [7, с. 98]. В этой связи уместно вспомнить некогда популярное среди советских психологов высказывание У. Макгайра: “Неизвестно, был кризис или нет, хорошо, что он кончился”. Ряд участников дискуссии, как и многие опрошенные эксперты, высказали суждение о том, что XXI век станет веком психологии (справедливости ради, надо отметить, что представители многих научных дисциплин предрекают то же самое в отношении своих наук). Если так и будет, если наступивший век и в самом деле станет “веком психологии”, а она при этом останется в состоянии кризиса или иллюзии такового, то кризис, даже если не считать его позитивным явлением, наверное, не слишком огорчит.

Наряду с соображениями, продолжающими рефлексивные традиции психологии, участниками дискуссии были высказаны и очень смелые, граничащие с научной фантастикой идеи. Например, мысль о том, что к 2030 г. видное место в структуре психологической науки займет киберпсихология и психологические проблемы, связанные с фор-

мированием технобиода — самоорганизующегося планетарного единства, объединяющего человека и технологию [16]. Если это когда-нибудь произойдет, можно пофантазировать и о том, какой будет структура данной отрасли знания. Вероятнее всего, она будет включать три основных раздела: 1) психологию киборгов (вспомним известную и очень популярную в 70-е гг. прошлого века книгу А. Азимова “Я-робот”), 2) психологию гибридов, т.е. существ, для обозначения которых, наверняка, найдут политкорректный термин, такой, например, как “киберлюди”, состоящие из элементов людей и киборгов, 3) психологию взаимоотношений людей с киборгами и гибридами. Если дело дойдет до войн и прочих катаклизмов между людьми и киборгами, такими как изображенные в фильмах про “терминатора”, то возможно появление и других, менее “мирных” разделов психологии. Однако все это вряд ли появится к 2030 г., и соответствующие перспективы, видимо, могут быть обозначены при существенном удлинении горизонта прогнозирования.

В данной связи уместно упомянуть феномен, очень характерный как для научной фантастики, так и для футурологии, и имеющий психологическую природу. Этот феномен можно назвать “ускорением будущего” [12; 21]: многие прогнозы как бы “ускоряют будущее”, в качестве близкой перспективы предвещая события, которые, если и могут произойти, то, во всяком случае, в более отдаленном будущем. В результате многие научно-технические достижения, предсказанные футурологами к началу XXI века, остались уделом фантастики.

Тем не менее, можно согласиться с А.С. Сергеевой и С.Ф. Сергеевым в том, что развитие психологии связано с этапностью развития технологий. Кроме того, ожидание приближающейся технологической сингулярности, рост неопределенности в коллективных представлениях о будущем оказывают все большее влияние на поведение людей в настоящем и требуют внимания психологов.

Отмечая как негативные, так и позитивные последствия внедрения новых технологий в повседневную жизнь общества, Л.М. Попов, К.И. Насибуллов и П.Н. Устин отмечают, что оно будет способствовать развитию психодиагностического арсенала психологии [15]. Действительно, можно с уверенностью говорить о том, что развитие цифровых технологий, — таких как потоковая аналитика и анализ больших данных, технологии глубокого машинного обучения, виртуальная и дополненная реальность, — существенно расширяет исследовательский инструментарий психологов [11]. В связи с этим чрезвычайно интересной и важной представляется идея, высказанная А.С. Чернышевым, С.В. Сарычевым, С.Г. Елизаровым, Ю.Л. Лобковым и Д.В. Беспаловым о том, что новое дыхание может получить от-

еественная традиция создания приборов-моделей для социально-психологического анализа процессов в малых группах [18]. Киберфизические системы и доступность цифровых следов реального поведения людей открывают новые возможности для проведения экспериментов и преодоления субъективизма в психологических исследованиях.

Ряд участников дискуссии высказали надежду на то, что общий облик психологической науки изменится, причем в лучшую сторону, в связи с прогрессом в изучении мозга, в методах математической статистики и т.д. Это вполне реально, например, можно предположить, что, когда мозговые механизмы психологических явлений станут более прозрачными (метафора “прозрачный мозг”), то станут намного более понятными и сами эти явления. Но все же история самых разных наук демонстрирует, что радикальный прогресс в их состоянии обеспечивает не какой-либо один фактор, а целый комплекс обстоятельств. Поэтому опора на что-либо одно в качестве основы прогресса психологии представляется мало оправданной. Тем более, что большинство как экспертов, так и участников дискуссии высказались за то, что и в будущем в ней сохранится примерный паритет естественнонаучной и гуманитарной парадигм, в то время как вторую, в отличие от первой, трудно представить себе радикально продвинутой вперед за счет какого-либо одного фактора.

Один из участников дискуссии — А.А. Грачев — обратил внимание на то, что прогноз экспертов относительно будущего российской психологии оказался более пессимистичным, чем их прогноз относительно психологии зарубежной (в анкете было использовано выражение “психология в мире”, являющееся очень неопределенным, поскольку этот “мир” разнообразен, но респонденты под ним явно понимали западные страны) [3]. В анкету для экспертов не были включены вопросы, позволяющие вскрыть причину подобной асимметрии, что, безусловно, следует сделать при продолжении этой работы. Однако феномен настолько интересный, что о его причинах стоит порассуждать уже сейчас. Возможно, сказался общий пессимизм как характеристика российской культуры, в данном случае выразившийся в отношении будущего науки в нашей стране и подкрепленный высказанным рядом участников дискуссии недовольством нашей научной политикой. Наверное, стоит также упомянуть, что в развитых странах на душу населения приходится в среднем примерно в 20 раз больше психологов, чем в развивающихся [25]. Причина достаточно очевидна: люди обращают внимание на свои психологические проблемы в основном тогда, когда их главные материальные проблемы решены, а “бедным не до психологии”, хотя бывают, конечно, и исключения из этого общего правила. Если наша стра-

на к 2030 г. не достигнет уровня экономического развития западных стран, то в этой логике трудно ожидать массового обращения ее граждан к психологам. Это подтверждается и общей культурой “потребления” психологии в современной России, где, по данным опросов, большая часть населения не только никогда не обращалась к психологам, но и исключает такую возможность, к тому же плохо различая психологов, психиатров, экстрасенсов (к ним обращается примерно в 2 раза больше наших сограждан, чем к “настоящим” психологам) и астропсихологов (гибрид астрологов и психологов) и т.п. В то же время следует подчеркнуть, что прогноз экспертов в отношении будущего психологической науки и практики в нашей стране в целом носит “умеренно” оптимистический характер.

Участники обсуждения высказали позитивное и заинтересованное отношение к разработанному прогнозу, в частности, и к прогностической деятельности в целом, свидетельством чему является само их участие в дискуссии. Высказаны и совсем конкретные предложения, например: “Предлагаем создать временный творческий коллектив на базе ИП РАН, главной задачей которого должна стать разработка стратегии развития психологии до 2050 г.” [1, с. 113]. Независимо от того, удастся осуществить подобное пожелание или нет, авторы прогноза очень благодарны за это предложение и выражают надежду на то, что прогнозирование, как состояния психологической науки и практики, так и социально-психологических изменений нашего общества, станет одним из приоритетных направлений психологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л. Проблемы прогноза развития психологии и пути их решения // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 109–114.
2. Балацкий Е.В. Механизм обусловленности инноваций и экономического роста // Наука. Инновации. Образование. 2007. С. 182–198.
3. Грачев А.А. Перспективы практико-ориентированной психологии в контексте тенденций развития психологической науки // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 133–137.
4. Двойнин А.М. От вредной привычки психологов к кризису — к здоровому образу жизни (комментарий к статье А.А. Федорова «Привычка» к кризису) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 133–136.
5. Жалагина Т.А., Короткина Е.Д. Психологическая наука к концу третьего десятилетия XXI века: стратегии развития // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 103–107.
6. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В. Прогноз развития психологической науки и практики

- к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
7. Мазилев В.А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 97–102.
 8. Мироненко И.А. От прогноза – к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 119–123.
 9. Морозова С.В. Угрозы изоляции российской психологии в будущем // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 129–133.
 10. Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 698–713.
 11. Нестик Т.А. Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 3. С. 6–15.
 12. Нестик Т.А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78–90.
 13. Носкова О.Г. Будущее психологической науки и практики с позиций истории психологии и науковедения // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 115–118.
 14. Плюснин Ю.М. Эпистемология и стратегия научного поиска // Наука. Инновации. Образование. 2007. С. 74–95.
 15. Попов Л.М., Насибуллов К.И., Устин П.Н. Проблемы российской психологии и пути их решения // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 115–118.
 16. Сергеева А.С., Сергеев С.Ф. Психологическая наука на границах технологической сингулярностью // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 124–128.
 17. Сергиенко Е.А. Психология – наука будущего, психология в будущем // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 124–128.
 18. Чернышев А.С., Сарычев С.В., Елизаров С.Г., Лобков Ю.Л., Беспалов Д.В. О некоторых основаниях прогноза развития психологической науки и практики // Психологический журнал. 2017. Т. 39. № 6. С. 110–114.
 19. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
 20. Юревич А.В. Включенность/невключенность российской психологической науки в мировой мейнстрим // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Отв. ред. Е. Аксер, И. Савельева. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. С. 236–249.
 21. Юревич А.В. Оптимум интеграции // Наука. Инновации. Образование. 2010. Вып. 9. С. 45–56.
 22. Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
 23. Ярошевский М.Г. Программный подход к исследованию научного коллектива // Вопросы психологии. 1978. № 3. С. 40–53.
 24. Dickson P. The future file: A guide for people with one foot in the 21st century. Fairfield: Fairfield Graphics, 1977.
 25. Kornhauser W. Scientists in industry conflict and accommodation. Berkeley: University of California Press, 1962.
 26. Rosenzweig M.R. What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects. Washington: APA, 1992.
 27. Toffler A. The predestined body // The future. N.Y.: Pocket Books, 1976. P. 152–168.
 28. Subbotky E. Moving from Russia to the UK: Challenges for a developmental psychologist // Bull. of Brit. and East Europ. Psychol. Group, 2009. № 28. Summer. P. 6.

FORECASTING AND ITS PROSPECTS IN PSYCHOLOGICAL SCIENCE (REPLY TO PARTICIPANTS OF THE DISCUSSION)¹

A.L. Zhuravlev*, T.A. Nestik**, A.V. Yurevich***

Institute of Psychology RAS; 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.

** Academician of the Russian Academy of Sciences, scientific supervisor
of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.*

E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru

*** Sc.D. (psychology), professor of RAS, head of the laboratory of social and economic psychology.*

E-mail: nestik@mail.ru

**** Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), deputy director of Institute of Psychology RAS.*

E-mail: av.yurevich@mail.ru

Received 29.08.2018

Abstract. The authors give an answer to the participants of the discussion about the forecast of psychological science and practice development up to 2030 which was published in the Journal along with the speeches of

¹ The research is supported by Russian Foundation for Basic Research, project 17-06-00675.

these participants. The authors mention difficulties of forecasting and the data demonstrating that forecasts rarely come true. At the same time they share the opinion of P. Dickson who stated that false forecasts are not necessarily bad ones because they carry out many useful functions helping in particular to understand better the past and comprehend the present. Some other problems raised by the participants of the discussion like the specificity of Russian psychology and its relation with world's psychology centered in the West are also considered. The issues of psychological science crisis, lesser optimism of experts towards prospects of Russian psychological science and practice in comparison with the other countries' ones, etc. are discussed as well.

Keywords: psychological science and practice, future, forecast, expert poll, discussion, specificity, world's mainstream, crisis

REFERENCES

1. *Ancupov A. Ya., Kandybovich S. L.* Problemy prognoza razvitiya psikhologii i puti ih resheniya // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 4. P. 109–114. (In Russian)
2. *Balackij E. V.* Mekhanizm obuslovlennosti innovacij i ehkonomicheskogo rosta // *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*. 2007. P. 182–198. (In Russian)
3. *Grachev A. A.* Perspektivy praktiko-orientirovannoj psikhologii v kontekste tendencij razvitiya psikhologicheskoi nauki // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018. V. 39. № 4. P. 133–137. (In Russian)
4. *Dvojnina A. M.* Ot vrednoj privychki psikhologov k krizisu — k zdorovomu obrazu zhizni (kommentarij k stat'e A. A. Fedorova «Privychka» k krizisu) // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 3. P. 133–136. (In Russian)
5. *Zhalagina T. A., Korotkina E. D.* Psikhologicheskaya nauka k koncu tret'ego desyatiletiya XXI veka: strategii razvitiya // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 5. P. 103–107. (In Russian)
6. *Zhuravlev A. L., Nestik T. A., Yurevich A. V.* Prognoz razvitiya psikhologicheskoi nauki i praktiki k 2030 g. // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2016. T. 37. № 5. P. 45–64. (In Russian)
7. *Mazilov V. A.* Psikhologiya: vzglyad v budushchee // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 5. P. 97–102. (In Russian)
8. *Mironenko I. A.* Oprognostirovaniye — k forsajtu budushchego rossijskoj psikhologii // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 3. P. 119–123. (In Russian)
9. *Morozova S. V.* Ugrozy izolyacii rossijskoj psikhologii v budushchem // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018. V. 39. № 3. P. 129–133. (In Russian)
10. *Nestik T. A., Zhuravlev A. L., Yurevich A. V.* Global'nye vyzovy i budushchee psikhologii: razvitie psikhologicheskoi nauki i praktiki v cifrovom obshchestve // *Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 698–713. (In Russian)
11. *Nestik T. A.* Razvitie cifrovih tekhnologij i budushchego psikhologii // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 2017. № 3. P. 6–15. (In Russian)
12. *Nestik T. A.* Psikhologicheskie aspekty korporativnogo forsajta // *Forsajt*. 2018. V. 12. № 2. P. 78–90. (In Russian)
13. *Noskova O. G.* Budushchee psikhologicheskoi nauki i praktiki s pozicij istorii psikhologii i naukovedeniya // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018. V. 39. № 4. P. (In Russian)
14. *Plyusnin Yu. M.* Ehpistemologiya i strategiya nauchnogo poiska // *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*. 2007. P. 74–95. (In Russian)
15. *Popov L. M., Nasibullov K. I., Ustin P. N.* Problemy rossijskoj psikhologii i puti ih resheniya // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 4. P. 115–118. (In Russian)
16. *Sergeeva A. S., Sergeev S. F.* Psikhologicheskaya nauka na granice s tekhnologicheskoi singulyarnost'yu // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 3. P. 124–128. (In Russian)
17. *Sergienko E. A.* Psikhologiya — nauka budushchego, psikhologiya v budushchem // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018. V. 39. № 3. P. 124–128. (In Russian)
18. *Chernyshev A. S., Sarychev S. V., Elizarov S. G., Lobkov Yu. L., Bepalov D. V.* O nekotoryh osnovaniyah prognoza razvitiya psikhologicheskoi nauki i praktiki // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 39. № 6. P. 110–114. (In Russian)
19. *Yurevich A. V.* Metodologicheskij liberalizm v psikhologii // *Voprosy psikhologii*. 2001. № 5. P. 3–18. (In Russian)
20. *Yurevich A. V.* Vkluchennost' / ne vkluchennost' rossijskoj psikhologicheskoi nauki v mirovoj mejnstrim // *Nacional'naya humanitarnaya nauka v mirovom kontekste: opyt Rossii i Pol'shi* / Eds. E. Akser, I. Savel'eva. Moscow: ID GU-VSHEH, 2010. P. 236–249. (In Russian)
21. *Yurevich A. V.* Optimum integracii // *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*. 2010. Vyp. 9. P. 45–56. (In Russian)
22. *Yurevich A. V., Capenko I. P.* Nauka v sovremennom rossijskom obshchestve. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2010. (In Russian)
23. *Yaroshevskij M. G.* Programmno-podhod k issledovaniyu nauchnogo kollektiva // *Voprosy psikhologii*. 1978. № 3. P. 40–53. (In Russian)
24. *Dickson P.* The future file: A guide for people with one foot in the 21st century. Fairfield: Fairfield Graphics, 1977.
25. *Kornhauser W.* Scientists in industry conflict and accommodation. Berkeley: University of California Press, 1962.
26. *Rosenzweig M. R.* What is psychological science // *International psychological science: Progress, problems, and prospects*. Washington: APA, 1992.
27. *Toffler A.* The predestined body // *The future*. N.Y.: Pocket Books, 1976. P. 152–168.
28. *Subbotsky E.* Moving from Russia to the UK: Challenges for a developmental psychologist // *Bull. Of Brit. and East Europ. Psychol. Group*, 2009. № 28. Summer. P. 6.